

3. Antsiferov B. Vtoroy Kaspiyskiy [The second Caspian]. *gazeta.kz*, 4.06.2013. Available at: <http://articles.gazeta.kz/art.asp?aid=98101>.
4. Lakiychuk P. *Regionalnaya sistema bezopasnosti na Kaspii. Mezhdru Caspian guard i CASFOR* [Regional security in the Caspian Sea. Between the Caspian guard and CASFOR]. Available at: <http://nomos.com.ua/content/view/126/69/>.
5. Panchenko M. Yu. Ponyatie "regionalnyy mezhdunarodnyy poryadok": mezhdru paradigmalnyy podkhod [The concept of "regional international order": mezhdru paradigmalnyy approach]. *Vlast* [Power], 2010, no. 04, pp. 56–59.
6. Pritchyn S. Kaspiyskoe more v tsentre vseobshchego vnimaniya [Caspian sea in the limelight]. *Globalnaya politika* [Global Policy], 15.01.2016. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Problemy-krupnogo-kalibra-17944>.
7. Pritchyn S. *Polnotsennogo proryva ne poluchilos: ob itogakh IV Kaspiyskogo sammita v Astrakhani* [Polnotsennogo breakthrough did not happen: on the results of IV Caspian Summit in Astrakhan]. Available at: <http://www.dagestanpost.ru/admin-post/3509-polnocennogo-proryva-ne-poluchilos-ob-itogakh-iv-kaspiyskogo-sammita-v-astraxani>.
8. Putin V. V. Otradno, chto sozdayutsya novye formy dlya obsuzhdeniya perspektiv regionalnogo sotrudnichestva [It is gratifying that created new forms to discuss the prospects of regional cooperation]. *Russkaya narodnaya liniya* [Russian Folk Line], 30.09.2014. Available at: [http://ruskline.ru/news\\_rl/2014/09/30/](http://ruskline.ru/news_rl/2014/09/30/).
9. *Ramochnaya Konventsiya po zashchite morskoy sredy Kaspiyskogo morya ot 4 noyabrya 2003 g.* [The Framework Convention for the Protection of the Marine Environment of the Caspian Sea from November 4, 2003], 04.06.2013. Available: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_114071/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114071/).
10. *Regionalnaya bezopasnost: geopoliticheskie i geoekonomicheskie aspekty (teoriya i praktika)* [Regional security: geopolitical and geo-economic aspects (theory and practice)]. Ed. by A. V. Vozzhenikov. Moscow, Russian Academy of State Service Згидю, 2006, 262 p.
11. Salimov K. Problema sootnosheniya natsionalnoy i obshchenatsionalnoy bezopasnosti Kaspiyskogo regiona [The problem of correlation of national and national security in the Caspian region]. *Casfactor*, 14.10.2014. Available at: <http://www.casfactor.com/ru/int/88.html>.
12. Soglashenie o sotrudnichestve v sfere bezopasnosti na Kaspiyskom more [The agreement on security cooperation in the Caspian Sea]. *Ofitsialnyy sayt Prezidenta Rossii* [The official website of the Russian President], 18.11.2010. Available at: [http://news.kremlin.ru/ref\\_notes/785](http://news.kremlin.ru/ref_notes/785).

### РЕЛИГИОЗНЫЕ СЕТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЮГА РОССИИ<sup>1</sup>

**Топчиев Михаил Сергеевич**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник

Астраханский государственный университет  
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а  
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Религиозные сети, представляя собой одну из древнейших идеологически оформленных мировых сетевых структур, являются важнейшей частью современного сетевого общества. В статье мы выделяем три этапа формирования религиозной сетевой структуры: традиционный, институциональный, виртуальный. На современном этапе религиозное сетевое пространство можно представить как наложение транснациональных сетевых потоков на виртуальные и социальные сети традиционных религиозных институтов, а в региональном масштабе это накладывается и на религиозную мозаичность региона. Однако вся совокупность сетей пока еще не превращается в одну глобальную мегасеть, а имеет свою региональную специфику. Целью данной статьи является выявление специфики сетевого религиозного сообщества Юга России и его влияния на состояние культурной безопасности. Основной методологией исследования является контент-анализ региональных сайтов религиозного содержания Юга России и анализ результатов социологических исследований в этой области.

---

<sup>1</sup> Исследование подготовлено при поддержке РФФИ, проект N 15-33-11172а «Культурная безопасность в условиях гетеротопии» (The study was made with the support of the Russian Foundation for Humanities, the project N 15-33-11172a "Culture without-danger conditions heterotopia").

В результате исследования подтверждена гипотеза о влиянии религиозных сетей на состояние культурной безопасности, выражающееся в росте межконфессионального напряжения и усиливающихся трансгрессивных процессах на Юге России.

**Ключевые слова:** религиозные сети, межкультурные и межконфессиональные связи, трансгрессия, транснациональные сети, Юг России

## **RELIGIOUS NETWORKS IN THE CONTEXT OF CULTURAL SAFETY OF THE SOUTH OF RUSSIA**

**Topchiev Mikhail S.**, Ph.D. (Policy), Senior Researcher  
Astrakhan State University  
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation  
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Religious networks, being one of the most ancient ideological world network structures, are the most important part of the modern network society. Three stages of religious network structure development can be distinguished: traditional, institutional, and virtual ones. At the modern stage, religious network space may be presented as a superposition of transnational network streams on virtual and social networks of traditional religious institutions, and at the regional level they superpose also on the regional religious mosaic structure. Nevertheless, the whole networks complex do not transform into one global mega network. The aim of the given article is revealing of network religious community specifics in the South of Russia and its influence on the state of cultural safety. The main methodology is content analysis of regional web-sites with religious subject within the South of Russia and study of the results of sociological investigations in this field. As a result the hypothesis about the religious networks influence on the state of cultural safety expressed in the growth of inter confessional tenseness and enhancing transgression processes in the South of Russia is to be confirmed.

**Keywords:** religious networks, intercultural and inter-confessional communications, transgression, transnational networks, the South of Russia

Сетевая структура современного политического и культурного пространства во многом изменила взгляд на социум, включив в круг влиятельные транснациональные сети и политические акторы наряду с национально-государственными структурами. Религиозные сети, с одной стороны, являются неотъемлемой частью социальных сетей, с другой стороны, в определенной степени это одна из древнейших идеологически оформленных мировых сетевых структур. Само понятие «социальная сеть», впервые введенное Дж.А. Барнсом, обозначает определенную взаимосвязь социальных узлов / акторов. Как справедливо отмечал М. Кастельс, сети являются достаточно старой формой материализации человеческой деятельности [7, с. 13]. Это можно отнести, прежде всего, к религиозной сфере. Однако с появлением виртуальной реальности традиционные сети трансформируются во всевозможные сетевые интернет-пространства. Если за рубежом сети изучаются достаточно давно, с семидесятых годов прошлого века, и весьма интенсивно (R.D. Alba, C. Kadushin, A.L. Barabasi, Louis Albrechts, Seymour J. Mandelbaum et al.), то в отечественном научном сообществе эта тематика стала разрабатываться в последнее десятилетие (Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, И.С. Семенов, А.В. Назарчук и др.) и, прежде всего, в политическом и философском контексте. Религиозные сети исследованы в отечественной науке более скупо. За исключением ряда работ Е.А. Островской, посвященных транснациональным религиозным сетям, остальные публикации носят в основном достаточно узкий, специализированный характер, посвященный аспектам этой проблемы: сетям той или иной конфессии (И.В. Забаев, Е.В. Пруцкова); анализу религиозности пользователей в соцсети (В.В. Сухоруков, С.В. Тихонова) и т.д.

Несмотря на то, что цель данной статьи тоже достаточно специализирована – выявление специфики сетевого религиозного сообщества Юга России и его влияния на состояние культурной безопасности, в ней дается попытка теоретического анали-

за этапов формирования религиозных сетей и их трансформации, что помогает выявить их особенности.

Для лучшего понимания функционирования религиозных сетей в данной статье используется комбинированная исследовательская методология. Диахронный метод, применяемый для выявления основных этапов формирования религиозных сетей, позволяет понять, как проходило формирование религиозных сетей. Синхронный метод позволяет проанализировать современное состояние религиозной сети на Юге России. Диахрония и синхрония дополняются контент-анализом сайтов, что способствует более глубокому пониманию включенности религиозной сети в сферу культурной безопасности.

**Этапы формирования религиозных сетей.** На начальном этапе развития любая религиозная система, если она выходит за локальные рамки племени, формируется как традиционная социальная сеть. Информация здесь идет от человека к человеку, от единичного узла (религиозной ячейки) к другому узлу. Таким сетевым способом, например, распространялось первоначальное христианство, используя мифологизированную харизму Христа и опираясь на персональную харизму апостолов. В дальнейшем, на следующем, втором этапе, эволюционируя, оформляясь институционально, большинство религий, с одной стороны, стремятся к иерархизации, с другой – они в той или иной степени сохраняют сетевую структуру, но уже в другом, несколько видоизмененном виде. Сетевая структура подчиняется центру, но остается формой канализации информации. Наличие приходов как локальных узлов по всей территории распространения религии продолжает функционировать как сеть, по которой от центра направляются информационные потоки. Принято считать, что обязательным признаком сетевой структуры и, соответственно, сетевого общества являются ее открытость и децентрализация, сведение к минимуму иерархизации и бюрократизации и увеличение доли общественного участия как в процессах управления, так и в передаче информации [15]. Важным фактором функционирования сети является также обратная связь. Сети институционализированных религий, например, католической и православной конфессий, естественно, в полной мере не отвечают этому признаку. Они в гораздо большей степени иерархизированы, чем это характерно для архаического сетевого сообщества. Однако и в их рамках существуют такие религиозные объединения, как, например, ряд католических орденов – иезуиты, “Opus dei” и др., чья сетевая структура не вызывает сомнения. Сетевую структуру исследователи находят и в мусульманской умме, которая как раз отторгает казенный бюрократизм и формализм, демонстрируя при этом высокую социальную мобильность, как, например, в случае с карикатурным скандалом [14].

Третий этап развития религиозных социальных сетей наступает вместе с формированием сетевого общества и так называемой нетократии [1]. О нем как о данности начинают писать с конца XX в., с начала эпохи распространения интернета, который сам позиционируется как сеть. С этого момента можно говорить, опираясь на точку зрения М. Кастельса, разделяемую научной общественностью [7], о детерриторизации сети, об усилении процесса свободной активности внутри нее и о ее виртуализации. Формирование сетевого общества стало по истине эпохальным. «Мы работаем, обучаемся и мыслим иначе» [16]. Все эти процессы идут на фоне разворачивающейся глобализации со всеми её позитивными и негативными последствиями. На этом этапе религиозная деятельность, опираясь на законсервированные примордиальные сетевые паттерны, начинает активно и успешно вписываться в современное сетевое общество. Этот этап характеризуется в первую очередь появлением новых транснациональных религиозных организаций, в основе которых лежат «новые децентрализованные паттерны религиозной власти, форм подчинения и членства» [13]. По мнению Е.А. Островской, транснациональные коммуникативные сети – это тематически специфицированные многомерные взаимодействия, которые осуществляются правительственными и независимыми организациями, неформальными группами и индивидами поверх национальных и государственных границ и формируют

единое пространство глобального дискурса. Исследовательница считает, что эти новые этнорелигиозные сети сконструированы целенаправленно, в перспективе глобального системного менеджмента конфликтов [10].

Во-вторых, новые сетевые структуры основаны на сформировавшихся на тот момент коммуникациях нового типа посредством сети интернет, что приводит, в силу определенной анонимности, к большей свободе слова, к большей маневренности и мобильности не только в сфере передачи потоков информации, но и в сфере управления социальными акторами-узлами. Они персонифицируются и становятся социально значимыми вне своей структуры – религиозной ячейки. Увеличивается роль харизматичных личностей в социальной сети. Не только транснациональные, но и традиционные институциональные религиозные организации, понимая операциональные возможности виртуальных сетей, начинают использовать их в проповеднической и прозелитической деятельности.

Поскольку в обществе, опирающемся на сетевую структуру, монизм заменяется холизмом, а центризм – принципом обратной связи, то для современной сетевой структуры важно не только донести информацию от центра к периферии, но и получить обратную связь, пусть и в модифицированном виде. В современных религиозных сетевых структурах с принципами всеобщего космизма, например, во многих течениях Нью Эйдж, обратная связь с абсолютным становится краеугольным камнем доктрины и практики.

Если традиционная историческая сеть формировалась естественным путем по принципу «друзья друзей», «дверь в дверь», и инициаторы и акторы сети находились в одной идеологической плоскости, то новый виртуальный тип сетей построен зачастую как некий «проект», нацеленный на определенную аудиторию, в котором важно не только кем он выполняется, а еще и для кого он создавался изначально и с какой целью.

Современный, четвертый этап развития религиозных сетей проходит в рамках влияния двух взаимосвязанных процессов – глобализации и глокализации. Глокализация (Р. Робертсон) в религиозной сфере имеет исторические корни, можно вспомнить о латиноамериканской католической церкви, православных автокефальных церквях. Современный процесс глокализации усложняется поликонфессиональностью и мозаичностью регионального религиозного ландшафта. Пытаясь приспособить универсальные религиозные догматы к локальной картине мира, религиозные сети еще больше усложняют ее. В отдельных случаях это ведет к гибридизации, к появлению своеобразных культурных «кентавров», особенно в сфере нетрадиционных культов, хотя сама по себе гибридизация имеет тоже давнюю историческую традицию, например появление афрохристианских церквей.

На четвертом этапе сетевой ландшафт можно представить как наложение транснациональных сетевых потоков на виртуальные и социальные сети традиционных религиозных институтов, а в региональном масштабе это накладывается и на религиозную мозаичность региона, которую тоже можно рассматривать как локальное наложение традиционных сетей, в определенной степени деформированное глобализационными миграционными процессами. Однако вся совокупность сетей, тем не менее, пока не превращается в одну глобальную мегасеть.

**Региональные религиозные сети в контексте культурной безопасности.** Влияние сетевого характера современного общества на региональный религиозный ландшафт несомненно. Каковы же векторы этого влияния и как они определяют состояние культурной безопасности?

Прежде всего обозначим, что мы понимаем под культурной безопасностью. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Это и защита культуры от угроз, и одновременно создание условий для ее гармоничного развития. Поскольку безопасность

есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом стабилизирует ее.

Юг России представляет собой одну из наиболее проблемных и конфликтогенных зон, прежде всего в силу сложности своего культурного ландшафта. Следуя следующим параметрам, проведем анализ на примере одного из регионов Юга России – Астраханской области. Во-первых, Астраханская область весьма репрезентативна для поликонфессионального Юга России. Астраханский ландшафт религиозных социальных сетей весьма показателен. Исторически он сложился как перекресток трех мировых религий и иудаизма, как официальной религии Хазарского каганата. Эти же религиозные институты были характерны и для находившейся на этой территории Золотой Орды [3].

Во-вторых, даже со временем, будучи уже частью России, эта территория не превращается в моноконфессиональную, а остается поликонфессиональной, соответственно, структура религиозных сетей здесь достаточно сложна. Астраханский конфессиональный ландшафт на начало XX в. отличался от общемирового, который представлял собой следующую пропорцию: христиан – 34 %; мусульман – 13,3 %; буддистов – 7,7 %; неверующих – 0,3 % [12]. В Астрахани доминирующей конфессией было православие (63,8 %), второй по численности религией был буддизм (25,1 %), третьей – ислам (7,8 %). В начале XXI в. по области количество мусульманских объединений (65) приблизилось к православным (74). На 2016 г. в список религиозных организаций на официальном портале г. Астрахани внесено 14 православных и 13 мусульманских объединений [4].

В последние десятилетия сетевой региональный конфессиональный ландшафт изменился и усложнился. Глобализационные процессы в 1990-е гг. проявились прежде всего в интенсификации деятельности протестантских деноминаций в регионе [11]. В последнее десятилетие активно начинают распространяться и буддийские транснациональные сети. В регион приезжают проповедники уровня Оле Нидала [9]. Усиливается деятельность транснациональных фундаменталистских исламских сетей [2].

В мае 2013 г. Институт национальных стратегий озвучил карту этнорелигиозных угроз, где Астрахань рассматривалась как южный центр ваххабизма [6]. Таким образом, мы видим, что в последнее десятилетие в результате изменения интенсивности миграционных потоков ислам занимает вторую позицию в республиканском религиозном комплексе, практически сравнявшись с православием, буддизм же вытесняется на периферию религиозного ландшафта.

Повсеместное распространение интернета способствует виртуализации религиозных сетей. Большинство религиозных организаций («ячеек») постепенно обзаводится своими сайтами. Однако этот процесс в Астраханской области идет достаточно медленно. Виртуальные религиозные сети создаются в основном вокруг контактных групп и в чатах. Из проанализированного нами 51 интернет-ресурса большинство (19) православных, 5 протестантских, 9 мусульманских, 4 буддийских и 1 иудаистский. Целый ряд интернет-ресурсов посвящен нетрадиционной религиозности, однако многие из них давно не обновлялись.

В последнее время все большее значение начинают играть сайты, чаты или группы по интересам, связанные с трансгрессионными процессами перехода из одной религии в другую – уход в нетрадиционные культы или принятие ислама. На этих чатах активно обсуждается проблема «русского ислама». «Русские мусульмане» пытаются создать свою сеть, найти поддержку и друзей среди таких же вновь принявших ислам, попольку не всегда находят из среды традиционных последователей ислама [5].

Сетевой характер современного регионального религиозного сообщества не может не учитываться при выстраивании концепции культурной безопасности, частью которой является конфессиональная безопасность. Она должна учитывать процессы мегауровня, т.е. глобализацию и глокализацию, которые с начала 1990-х гг. способствовали усилению и без того высокой религиозной мозаичности, прежде всего за счёт протестантских деноминаций, новых религиозных движений и мистиче-

ских групп. Часть конфессий восстанавливается в 1990-е гг. через включение в транснациональные глобальные религиозные сети.

На макроуровне важнейшим фактором, влияющим на концепцию культурной безопасности, является геополитическая включенность Астраханской области в Каспийский регион и близость к исламскому миру (приграничность Северному Кавказу). Астраханская область становится перевалочным миграционным пунктом, что меняет этноконфессиональное поле региона. Активизируются как традиционные для региона конфессиональные акторы, так и новые. Их деятельность становится более политизированной, а активный прозелитизм порой связан с нарушением государственного и регионального законодательства. Следовательно, всё более актуальным становится создание продуманной системы конфессиональной безопасности. На формирование подобной системы оказывают влияние следующие факторы: с одной стороны, общегосударственная конфессиональная политика с отсутствием чёткой концепции и не до конца разработанным законодательством, отсутствие постоянно ведущегося межконфессионального диалога на федеральном уровне, влияние транснациональных религиозных корпораций, с другой стороны, доминанта сформировавшегося на протяжении нескольких веков благожелательного отношения к поликонфессиональности как на уровне государства, так и на уровне региона, грамотная и осторожная политика руководства области, учёт ею современной геополитической ситуации и фактора внешнего воздействия.

На индивидуальном уровне как об определённых факторах мы можем говорить о влиянии отдельных личностей на конструктивные процессы в области сохранения конфессиональной безопасности и деструктивные. К конструктивным действиям мы можем отнести, во-первых, взвешенную и весьма осторожную конфессиональную политику глав государственных структур Астраханской области, их внимание к конфессиональным проблемам. Во-вторых, на личностном микроуровне определённым политическим фактором формирования концепции культурной безопасности является общественная деятельность глав религиозных конфессий, учитывающих геополитическую сложность ситуации в области, необходимость осторожных, грамотных, политически выдержанных решений в связи с нестандартными ситуациями, возникающими в регионе. В-третьих, усиление внимания к контенту виртуальных религиозных сетей и групп позволяет лучше выстраивать систему обратной связи и быстрого реагирования на внештатные ситуации. Однако несмотря на то, что в некоторых случаях именно на личностном уровне может происходить поддержка сепарационных процессов, а появление харизматических религиозных лидеров с экстремистским мировоззрением может потенциально дестабилизировать ситуацию в регионе, доминирующими на данный момент пока являются сдерживающие факторы.

#### Список литературы

1. Бард А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. – СПб : Стокгольмская школа экономики, 2004. – 256 с.
2. Бережной С. Е. Исламский фундаментализм на Юге России / С. Е. Бережной. – Ростов н/Д : СКНЦ ВШ, 2004.
3. Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде / Д. В. Васильев. – Астрахань, 2007.
4. Город Астрахань. – Режим доступа: <http://old.astrgorod.ru/obshchestvennaya-zhizn/obshchestvennye-obedineniya-na-territorii-goroda/religioznye-obedineniya>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Группа в контакте обсуждающая русский ислам в Астрахани. – Режим доступа: [https://vk.com/topic-4539516\\_24239425](https://vk.com/topic-4539516_24239425), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Карта этнорелигиозных угроз 2013. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=analysis&div=195>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – С. 13.
8. Лункин Р. Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков / Р. Лункин // Двадцать лет религиозной свободы в России. – М., 2009.

9. Оле Нидал в Астрахани. – Режим доступа: <http://ezotera.ariom.ru/2006/07/24/nidal.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Островская Е. А. Транснациональные коммуникативные сети религиозных идеологий / Е. А. Островская // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4.
11. Романова А. П. Конфессиональная политика и конфессиональная безопасность Прикаспия / А. П. Романова, М. С. Топчиев. – Астрахань 2011. – С. 81–82.
12. Тульский М. Изменение религиозной принадлежности населения мира за последние 100 лет / М. Тульский // Россия и мусульманский мир. – 2001. – № 3.
13. Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация / Ш. Эйзенштадт // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 1.
14. Эргашев Б. Сетевая стратегия и конфигурация партийного пространства / Б. Эргашев // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 1.
15. Louis Albrechts and Seymour J. Mandelbaum. *The Network society. A New Context for Planning? USA and Canada.* – Routledge, 2005.
16. Robert Hassan. *Media, Politics and the Network Society* Open University Press Mc. Graw-Hill Education, 2004.

#### References

1. Bard A. Zoderkvist Ya. *Netokratiya. Novaya pravyyashchaya elita i zhizn posle kapitalizma* [The new ruling elite and life after capitalism]. St. Petersburg, Stockholm School of Economics Publ., 2004, 256 p.
2. Berezhnoy S. E. *Islamskiy fundamentalizm na Yuge Rossii* [Islamic fundamentalism in the South of Russia]. Rostov-on-Don, North-Caucasus Scientific Center of Higher School Publ., 2004.
3. Vasilyev D. V. *Islam v Zolotoy Orde* [Islam in the Golden Horde]. Astrakhan, 2007.
4. *Gorod Astrakhan* [Astrakhan City]. Available at: <http://old.astrgorod.ru/obshchestvennaya-zhizn/obshchestvennye-obedineniya-na-territorii-goroda/religioznye-obedineniya>.
5. *Gruppa v kontakte obsuzhdayushchaya russkiy islam v Astrakhani* [Group contacts discuss Russian Islam in Astrakhan]. Available at: [https://vk.com/topic-4539516\\_24239425](https://vk.com/topic-4539516_24239425).
6. *Karta etnoreligioznykh ugroz 2013* [Map of ethno-religious threats, 2013]. Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=analysis&div=195>.
7. Kastels M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2004, p. 13.
8. Lunkin R. *Novye religioznye dvizheniya v Rossii: khristianstvo i postkhristianstvo v zerkale novykh bogov i prorokov* [New Religious Movements in Russia: Christian and post-Christian in the mirror of the new gods and prophets]. *Dvadtsat let religioznoy svobody v Rossii* [Twenty years of religious freedom in Russia]. Moscow, 2009.
9. *Ole Nidal v Astrakhani* [Ole Nydahl in Astrakhan]. Available at: <http://ezotera.ariom.ru/2006/07/24/nidal.html>.
10. Ostrovskaya E. A. *Transnatsionalnye kommunikativnye seti religioznykh ideologiy* [Transnational communication network of religious ideologies]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [Ostrovsky State, religion, the church in Russia and abroad], 2010, no. 4.
11. Romanova A. P. Topchiev M. S. *Konfessionalnaya politika i konfessionalnaya bezopasnost Prikaspiya* [Religious policy and the security of the Caspian confessional]. Astrakhan, 2011, pp. 81–82.
12. Tul'skiy M. *Izmenenie religioznoy prinadlezhnosti naseleniya mira za poslednie 100 let* [Changing religious affiliation of the population of the world in the last 100 years]. *Rossiya i musulmanskiy mir* [Russia and the Muslim world], 2001, no. 3.
13. Eyzenshtadt Sh. *Novye religioznye konstellyatsii v strukturakh sovremennoy globalizatsii i tsivilizatsionnaya transformatsiya* [New religious structures in the constellation of contemporary globalization and civilizational transformation]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, religion, the church in Russia and abroad], 2012, no. 1.
14. Ergashev B. *Setevaya strategiya i konfiguratsiya partiynogo prostranstva* [Network strategy and configuration of party space]. *Tsentrlnaya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and Caucasus], 2007, no. 1.
15. Louis Albrechts and Seymour J. Mandelbaum. *The Network society. A New Context for Planning? USA and Canada.* Routledge, 2005.
16. Robert Hassan. *Media, Politics and the Network Society.* Open University Press Mc. Graw-Hill Education, 2004.